

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА /
THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.145.172>

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ФИННО-УГОРСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В
СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ И ПРИУРАЛЬЕ (НА ПРИМЕРЕ ЕДИНИЦ ВОСТОЧНОГО ДИАЛЕКТА
ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА)

Научная статья

Салихова Э.А.^{1,*}, Насипов И.С.²

¹ ORCID : 0000-0001-9570-1763;

² ORCID : 0000-0001-7611-3026;

¹ Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева – отдельное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Российская Федерация

² Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (salelah12[at]yandex.ru)

Аннотация

О влиянии финно-угорского этнокомпонента на формирование поволжских татар и отдельных его этнолингвистических групп отмечались как в лингвистических, так и смежных с этой наукой классических трудах и современных исследованиях. Предмет исследования – результаты финно-угорского влияния на формирование этноязыковых особенностей тюркских народов Урало-Поволжья.

На примере функционирования отдельных лексических единиц в восточном диалекте татарского языка показано взаимовлияние угро-финских и русского языка как возможного посредника (языка-донора) в сложных лексико-семантических процессах формирования и функционирования указанного диалекта. Предполагается, что некоторые лексические единицы могли попасть в восточный диалект через носителей среднего и западного диалектов, участие которых в формировании отдельных групп сибирских татар общеизвестно.

Новизна предпринятого исследования заключается в том, что выявленным ранее заимствованиям дан краткий социопсихолингвистический комментарий «вживания» таких единиц в систему языка-реципиента, описан этнолингвистический механизм «вживания» в татарский язык финно-угорских единиц.

Ключевые слова: говоры, диалект, донор, лексема, посредник, семантика, татарский, угро-финский, язык-донор, язык-рецептор.

ETHNOLINGUISTIC DESCRIPTION OF INDIVIDUAL FINNO-UGRIAN BORROWINGS IN THE MIDDLE
VOLGA AND PRIURAL REGION (USING THE EXAMPLE OF UNITS OF THE EASTERN DIALECT OF THE
TATAR LANGUAGE)

Research article

Salikhova E.A.^{1,*}, Nasipov I.S.²

¹ ORCID : 0000-0001-9570-1763;

² ORCID : 0000-0001-7611-3026;

¹ Institute of Ethnological Research named after. R.G. Kuzeev - a separate structural unit of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

² Bashkir State Pedagogical University named after. M. Akmully, Ufa, Russian Federation

* Corresponding author (salelah12[at]yandex.ru)

Abstract

The influence of the Finno-Ugric ethnic component on the formation of the Volga Tatars and its individual ethnolinguistic groups was noted in linguistic and classical works related to this science and modern research. The subject of the study is the results of the Finno-Ugric influence on the formation of the ethnolinguistic characteristics of the Turkic peoples of the Ural-Volga region.

Using the example of the functioning of individual lexical units in the eastern dialect of the Tatar language, the mutual influence of the Finno-Ugric and Russian languages is shown as a possible intermediary (donor language) in the complex lexical-semantic processes of the formation and functioning of the specified dialect. It is assumed that some lexical units could have entered the eastern dialect through speakers of the middle and western dialects, whose participation in the formation of separate groups of Siberian Tatars is well known.

The novelty of the undertaken research lies in the fact that the previously identified borrowings are given a brief sociopsycholinguistic commentary on the “incorporation” of such units into the system of the recipient language, and the ethnolinguistic mechanism of the “incorporation” of Finno-Ugric units into the Tatar language is described.

Keywords: dialect, donor, lexeme, intermediary, semantics, Tatar, Finno-Ugric, language, donor tongue, receptor tongue.

Введение

Изучение особенностей взаимовлияния в исторической ретроспективе тюркских и финно-угорских языков в Приуралье и Среднем Поволжье даст возможность осветить некоторые вопросы развития и функционирования башкирского, татарского, чувашского, марийского, мордовских, удмуртского языков как в рамках волго-камского

языкового союза, так и в ракурсе осмысления специфики взаимодействия алтайских и уральских языков согласно теории урало-алтайского языкового родства [6]. С опорой на различные типы языковых контактов, авторами определены основные типы татаро-финно-угорских языковых контактов Волго-Камья: прямые; устойчивые; маргинальные; неродственные; двусторонние; междиалектные; разнопрестижные.

На рубеже XIX – начала XX веков пальму первенства в исследовании обозначенной проблемы держали венгерские ученые, выявившие тюркские лексические элементы в ряде восточнофинских языков (достаточно сослаться на исследования Б. Мункачи, Х. Паасонен, М. Рясанен, Ю. Вихманн и др.). Вторая половина XX столетия была ознаменована тем, что одни наши отечественные ученые-билингвы стали уточнять и обобщать научный опыт изучения по отдельным пластам заимствованной лексики (К. Редей, А. Рона-Таш, М.Р. Федотов, Ш. Чуч); другие – выявлять предельно большее количество тюркизмов в финно-угорских языках. В последней трети XX – начале XXI столетия контактологические исследования в области финно-угроведения и тюркологии вышли на новый уровень – внимание стало сосредотачиваться на заимствованном пласте финно-угорской лексики: так, Г.В. Лукоянов и М.Р. Федотов изучают марийские заимствования в чувашском языке; И.С. Насипов, а позже и его ученики, – удмуртские, марийские и мордовские заимствования в татарском языке.

Новизна предпринятого исследования заключается в том, что дано описание этнолингвистического механизма оседания в восточном диалекте татарского языка финно-угорских заимствований: выявленным ранее лексикографическим иллюстрациям дан краткий этносоциолингвистический комментарий постепенного «вживания» таких единиц в систему языка-реципиента.

Итогом тюркских и финно-угорских языковых контактов в Волго-Камье является образование волго-камского языкового союза – «ареальной общности тюркских (башкирского, татарского и чувашского) и финно-угорских (марийского, мордовского и удмуртского) языков, что сложилась ранее и продолжается на основе длительных и интенсивных контактов ... в волго-камско-уральском регионе» [6, С. 27].

Методы и принципы исследования

Авторы в процессе исследования проблемы отвлечены от диахронических аспектов изучения языковых фактов и, соответственно, ориентируются на язык в его синхронном виде, рассмотрения лексики на уровне отдельной единицы, что позволяет придерживаться практико-ориентированного подхода.

Теоретическим положением, от которого отталкиваются авторы материала для сравнения отдельных компонентов лексических систем, стало утверждение С. Кертиса о том, что сопоставительный анализ всегда предполагает наличие «особой универсальной характеристики, всеобъемлющего основания, *tertium comparationis*, который, собственно, и делает такой анализ возможным» [17, С. 116].

При выделении финно-угорских заимствований в словарном массиве татарского языка используются принципы этимологического анализа. Одним из критериев может быть признано также наличие таких заимствований в тюркских языках Волго-Камья и отсутствие их в других тюркских языках. Авторы не исключают того, что некоторые лексемы могут быть наследием гипотетически родственных уральских и алтайских языков. Еще один основополагающий признак определения особенностей финно-угорских лексем в татарском языке – семантический. При генетическом разграничении финно-угорских заимствований в татарском языке к конкретным восточно-финно-угорским языкам авторы исходят из ареально-географических критериев [6, С. 224].

Сопоставительный метод позволит выявить особенности структуры и функционирования языков; социолингвистический – предполагает также учет национально-демографических данных того или иного языка.

В теоретическом плане предпринятое изучение обозначенных в теме единиц позволит выявить, каким образом в различных языках удовлетворяются идентичные функциональные потребности, вскрыть эквивалентность языков на их лексико-семантическом уровне, установить, как различаются функции при сходстве системных отношений, но идентичны при материальных различиях.

В практическом аспекте промежуточные результаты сопоставления единиц могут быть использованы по созданию лексикографических, дидактических и учебных пособий, по совершенствованию лексикографической базы преподавания, при разработке рекомендаций по повышению эффективности обучения неродным языкам, по регулированию этнопсихолингвистических процессов порождения и восприятия речи при владении более чем одним языком и т.п.

Основные результаты

Урало-Поволжский регион отличается этноязыковой гетерогенностью, поэтому изучение функционирующих языков различных компактно проживающих этнических групп представляет научный интерес с точки зрения их структурного описания, социальной типологии и этнопсихолингвистики и социолингвистики.

Исследователи единодушны во мнении о малоизученности финно-угорских заимствований в восточном диалекте татарского языка. Не претендуя на полное освещение данной проблемы, авторы данной статьи ограничиваются вниманием на отдельных финно-угорских заимствованиях с этносоциолингвистической их характеристикой, позволяющей определить, каким образом значение заимствованного слова зафиксировано в сознании человека как члена определенной этногруппы. При этом подтверждается универсальность психолингвистических механизмов адаптации заимствований в лексической системе языка, а также в лексиконе человека, механизмов членения речевого континуума, поступающего извне, и прагматики.

В тюркских языках присутствует такое лексическое заимствование, как *маса*: например, в вост. диал. «конопля», в лит. *баса*, в срд. диал. *баса* «конопля (не дающая семена, мужская особь)», *ақ баса* «посконь», *қара баса*, в запд. диал. *паса* «конопля». Слово употребляется и в башкирском языке – *баҫа* «конопля, посконь», в башк. диал. *баҫау, паҫа* «посконь»; в чув. *пуса* «посконь», «мужская особь конопли», *пуса чечек* «пустоцвет (у растений)», «бесплодный цвет (липы)», «завязи яблоч, падающие до созревания», *пуса каччӓ* «холостеть», *пусана лар* – «пустить усы (об огурцах)», в

узб. буз «посконь» [4, С. 167], [12, С. 451]. По мнению исследователей, лит. *баса* восходит к мордовскому корню [14, С. 190]. В значениях рассматриваемой лексики отображается результат действия в языковом сознании фонологического ассоциативного механизма, сущность которого заключается в создании и трансформации образов по сходству, определяемых на основе функциональных признаков (в данном случае *баса* – «не дающий семян», «пустоцвет», «бесплодный», «пропадающий еще до созревания» и подобных). Уместно вспомнить сравнение Ф. де Соссюром каждого слова с центром созвездия, которое создано безграничным числом ассоциаций. Так, возникшая на основе функциональных признаков сема «растение» приобретает почти идентичный акустический образ в тюркских языках, сопрягаемый с коноплей – растением, из стеблей которого изготавливают пеньку, а из семян добывают масло (вариант – «посконь» при употреблении в значении мужской его особи): *баса* – *маса* – *пуса*.

Р.Г. Ахметьянов указывает на имеющиеся в тат. диал. *пәҗе, пәҗи* – «пенька, кудель», *пәче, пәце* – «пенька; конопля», тат. – *баса*, сиб. диал. – *маса*, миш. диал. – *паса* «конопля», *пучы, пуцы*, чув. – *пучь* «шнур, бечевка» характерное для татарского чередование *б ~ п ~ м*; в мар. – *поч* «аркан, бечёвка, верёвка», *пач* «кусок холста, холстина», в удм. – *пыш, пуч, поч* «конопля, посконь», в морд.э. – *паця* «платок» предполагает от общего для тюркских и финно-угорских языков слов *пан, поч* «пасконь, конопля» [16, С. 161].

Фонологическая ассоциация присутствует и при характеристике слова *каләгә*, которое в вост. диал. татарского языка обозначает «брюква»; в срд. диал. – *кал'ага, каляга, кәлигә, тычы кал'ага* «брюква». В тат. лит. в значении «брюква» употребляются *гәрәнкә, бүкән шалкан*; в ср. перм. – *кәлигә шалкан*, единица возводится к удм. *каляга* «брюква» [13, С. 174]. В русском языке *ка́лига, кáлика, кáлика* в значении «брюква» воспринимаются как заимствования из эстонского языка *kaalik* («брюква»; ср. финн. *kaali* («капуста» из германского)) [16, С. 167].

Лексема *миләч* в вост. диал. «рябина»; в лит. – *миләш*, диал. *мәләш, мелиш, миләйеш, милеш, миләц, мулиш, мүлиш* («рябина»). В татарском языке ее литературным и общеразговорным вариантом является *миләш*, что употребляется как для обозначения кустарника, так и его плода. Для дифференциации растения и плода иногда встречается употребление *миләш агачы* «рябиновое дерево (букв.)» и *миләш җиләге* «рябиновые ягоды (букв.)». Различаются два вида рябины – кара миләш «черноплодная рябина» и *кызыл миләш* «красная рябина». Обычно, когда говорят *миләш*, подразумевают не просто «рябину», а «красную рябину», поэтому носители языка в разговорной практике не пользуются уточняющим компонентом *кызыл*. Вероятнее всего, что это связано с тем, что в языковой картине мира рябина стойко ассоциируется с деревом с оранжево-красными ягодами, собранными в пучок. Когда речь идет о «черноплодной рябине», используется уточнение *кара* («черный») с тем, чтобы слушатель / читатель понял, что речь идет о кустарнике с плодами черного цвета с сизым налетом. По этой причине отдельные растения по своей схожести плодов и листьев с рябиной в дальнейшем получили название, в составе которых имеется слово *миләш*: *майар миләше* (чст., тарх. «бузина красная»), *мәләш үләме* (чст.), *мелиш печин* (перм.), *дикий мәләш* (м.-кар. «пижма, дикая рябина») [13, С. 69]. Ср. тат. *миләш чыпчыгы*; башк. *мәләш сәсеге, мышар баркылдыгы*; чув. *пилеш кайкә* («дрозд-рябинник» (птичка, которая питается плодами рябины)). Уточняющие элементы основываются на семантическом компоненте, привносящем в выражение соответствующую коннотацию. Последняя включает дополнительные семантические или стилистические функции, устойчиво связанные с основным значением в сознании носителей языка.

Слово *миләш* употребляется и в других тюркских языках: башк. *миләш, мәләш*, туркм. *мелеш*, алт. *пеле*, ойр. *беле*. В тат., башк., чув. слово восходит истоками к финно-угорским *pihlaji, *pislaja*: В.Г. Егоров. удм. *пальэзь*, коми. *пельсь, пелдизь, пельш* связывает с чув. *пилеш*.; предполагается, что тат. *миләш* заимствовано из мар. *пилзе, пизле*; в морд. присутствуют *пизёл, пизыль* [12, С. 431–432]. Варианты *мочор, мыщыр* в вост. диал. («рябина»), *мышыр* («рябой»); ст. тат. *мыщыр*; ср. башк. *мышар* («миләш»), *быжыр* («рябой (от оспы)») Р.Г. Ахметьянов возводит их к единому финно-угорскому источнику так же, как и *пизыл* («рябина») [16, С. 144]. Ассоциативный механизм функционирования заимствования *миләш* из финно-угорского языка обеспечивается обработкой фонетической системой принимающего единицы языка (иногда и с переосмыслением – см., например, переносные значения слова типа *быжыр*), а также речедейательностью говорящих, их когнитивным опытом. Психолингвистическая функция возникаемых подобным образом коннотаций сводится к передаче эмоциональных или оценочных оттенков высказывания и отображает этнокультурные традиции общества.

Учитывая динамический характер процессов заимствования и постепенной ассимиляции таких лексем, следует отметить, что степень приближенности угро-финского слова к системе заимствующего языка – восточного диалекта татарского языка – рассматривается как степень фонетического, орфографического, семантического (смыслового) и грамматического (морфологического) уподобления. Между первым и вторым типами существует промежуточное звено – фонографемные особенности освоения. Рассмотрим их на примере заимствования – *кәреш*, что в вост. диал. имеет значение «стерлядь». Появилось оно в татарском диалекте посредством русского языка из финского *harjus* [18, С. 224]. В вост. диал. слово *ләрге* («гольян») в татарских лексикографических источниках не зарегистрировано. Встречается в тевризском говоре тоболо-иртышского диалекта языка сибирских татар: *ләрге* «гольян (мелкая пресноводная рыба)». С большей долей вероятности можно говорить о заимствовании из финно-угорских языков: ср. хант. *ларег* «ерш» [3, С. 76]. *Муқсыл* в вост. диал. – «муксун»; ср. якут. *муксун*, тоб. *муksун* [18, С. 2174]. Этимология этого слова в научной литературе не прослежена. Ихтионим *муксун / максун*, возможно, является заимствованием из финно-угорских языков, хотя академический словарь русского языка 1793 года указал на татарский источник – *муksун*. Словарь Д.Н. Ушакова отмечает в русском языке название рыбы в формах *максун* и *муksун* со ссылкой на татарское *муksун*. Н.К. Дмитриев относил слово к тюркизмам, требующим привлечения дополнительных материалов для установления точной этимологии, и приводил якутское *tuksun*. Д.С. Сетаров полагает, что *муksун* «по всей вероятности восходит к коми-зырянскому *tuksun*, ханты-мансийскому *toksun*» [3, С. 73]. Современные электронные словари русского языка фиксируют *муksун* как слово тюркского происхождения. Система языка-рецептора и подсистема заимствований находятся в определенных отношениях взаимосвязи. Система довлеет на подсистему, что постепенно приводит к изменению соотношений между ними. Так, русск. *муksун, муцун, максун, моксун* – «сибирский

сиг, горбатый сиг, рыба, похожая на нелму, а ещё более на сокура или сига» – определяется как из диалектов хантийского языка *toksən, toxsəŋ, tuχsaŋ, tuχsəŋ* через якут. *tuksun*, тоб. *tuksun* [10, С. 7].

Из среды билингов заимствование распространяется в различные социальные группы говорящих и в разные сферы устной и книжно-письменной речи. Устный путь заимствования, в отличие от письменного (при котором возможны транскрипция и транслитерация) предполагает, что звуковой облик в заимствующем языке более близок к звуковому образу языка-оригинала (донора). *Миши* в вост. диал. – «олень»; лит. *poši* – «лось»; диал. *мыши, моши, мошой, мышый* в одних говорах татарского языка несут значение «лось», в других – «олень». То же самое в башкирском и чувашском языках: башк. *мышы*, диал. *мышый, пышый, мышы, мышый, бышый*; чув. *пайши*. Единица *поши* считается заимствованным из финно-угорских языков: мар. *пучо, пўчо*, мар.г. *пучы* «олень», удм. *пужей*, манси. *паши*, коми. *пэж* («молодой олень»). Для сравнения обратимся к др.русск. *пыжь* («молодой олень»), русск. *пыж, пыжик* («оленок (молодой олень)»), совр. русск. *пыжик* («тенок северного оленя в возрасте до одного месяца, а также его мех») заимствованы также из финно-угорских языков: ср. удм. *пуژهј* («северный олень»), *реж* («оленок, еще не имеющий рогов»), мар. *пуїэ, пуше*, саам. *boasso*, фин. *poro* («северный олень (домашний)»), манси *рăї* («оленок») [10, С. 417].

Привлекает внимание следующее явление: русский язык рассматривается как язык-донор, принесший в языки Сибири заимствования из якут. *bysuk* «пыжик», «шкура оленя около Семенова дня (1 сентября)», *русук* «олений теленок трех-шести месяцев, не имеющий еще рогов», *bysuk* «пыжик» от русск. *пыжик* «молодой северный олень, безрогий теленок; на нем мягкая пышная шерсть, тонкая мездра, и потому он идет на лучшую одежду туземцев», н.-индиг. *пыжик* «олений теленок до шести месяцев», ср. печор. *пыжик* «олений теленок не старше двух месяцев», уменьш. от ст.-русск. (XV) *пыж* «пыжик (шкура)» [1, С. 498].

В тюркских языках для обозначения «оленя» и «лося» употребляется и другое слово: тат., башк. *болан* – «олень», диал. – «лось», чув. *палан* – «олень», «лось», алт., хак. *булан*, ойр., тув., казах. *булан* – «лось». Ср. из тюрк. языков кабард. *бланэ* – «пошый», чечен. *булан* – «зубр»; мар., удм. диал. *булан, былан* – «олень», «лось», венг. *bőleny* – «бизон»; русск. *буланый* – «масть лошади: светло-желтый (обычно в сочетании с черным хвостом и гривой)», «о масти других животных, об оперении птиц; с желтизной разных оттенков» [4, С. 146], [12, С. 395], [9, С. 238], [16, С. 132]. Известно, что грамматическая и фонетическая оформленность заимствованной лексики по законам языка-реципиента обязательна для включения её в речь. При этом рассмотренные заимствования наделяются качествами, необходимыми и достаточными для её функционирования в речи.

Единица *пистер* в вост. диал. имеет значение «корзина»; в срд. диал. *печтер* – «лукошко, кузовок из лубка». В татарском языке и в его говорах зафиксированы ещё и другие фонетические и семантические варианты этого слова (*биштэр, печтэр, печтер, пичтэр*). Башк. диал. *бистеркэ* – «корзина, плетенная из ивы», *пистер* «плетеный сундук». Т.Х. Хайрутдинова слова *биштэр, печтэр, печтер, пичтэр* относит к русск. *пестерь* [13, С. 35–36]. В других источниках русск. *пестерь, пецерь, пехтер, пихтер, пестёрка* считаются заимствованными из исчезнувших финно-угорских языков, связанных с мар. *пöштыр, пешыр, пуштыр* – «пестерь» (например, в [1, С. 445]). Р.Г. Ахметьянов приводит несколько других сопоставлений: персид. *bistar*, урду. *bistara (Platts)* – «полог, ковер», «заплечная ноша»; таджик. *пуштора, пуштара* – «заплечная ноша»; а мар. *пуштыр, пöштыр* – «заплечная ноша» – считает лишь результатом контаминации [16, С. 129]. Приблизительное копирование с незначительной звукографемной трансформацией заимствования отражает процесс метафорического осмысления действительности, поскольку в метафоре происходит соединение двух зон, двух разных областей знаний: одного предмета / явления, подлежащего восприятию, осознанию, оценке, и другого предмета / явления, известного и характеризующего типовыми признаками. В анализируемом примере это небольшая ручная емкость, сплетенная из лубка или из прутьев (чаще из ивы), предназначенная для сбора ягод и грибов. Функциональный признак (емкость для сбора чего-либо) остается устойчивым при изменении способа ношения плетеной *корзины* – в руках или за плечами (*пестерь*).

Обсуждение

Татары в процессе многовекового развития на территории Урало-Поволжья вступали в интенсивные и длительные экономические и культурные взаимоотношения с угро-финнами, прежде всего с удмуртами, марийцами и мордвой, что нашло отображение в словарном составе этих языков.

В татарском литературном языке финно-угорских заимствований начитывается около трех с половиной десятков слов. В совокупности с заимствованиями в диалектах их около 300. Татарские говоры среднего диалекта интенсивнее контактировали с периферийно-южными говорами удмуртского языка: более 100 слов определяются как заимствования из удмуртского языка, большинство из которых зафиксировано в нукратовском говоре этого диалекта. Примечательно, что ни одно из этих заимствований не употребляется в татарском литературном языке.

Приведенные в качестве примеров в рамках данной публикации лексемы-заимствования имеют локальное функционирование, сферы употребления которых различны: одни слова характерны для нескольких говоров, другие – функционируя лишь в определенном регионе. Фиксация того или иного слова в словарном составе языка зависит, прежде всего, от особенностей этнолингвистического контакта отдельной группы татар с тем или иным финно-угорским народом. Предполагаем, что языковое сознание воспринимало заимствования как передачу информации о совпадающем рефлексивном опыте носителей языка. Рефлексивный акт при заимствовании может быть вызван различными параметрами усваиваемого языковой системой слова – и языковыми его характеристиками, и денотативной отнесенностью, и стандартным для речевой общности отношением к обозначаемому им явлению или факту, и другими его особенностями. На уровне семантической адаптации формируется «определенность значения, происходит дифференциация значений и их оттенков между заимствуемым словом и существующей в языке исконной лексики» [5, С. 35-43].

Семантическая адаптация рассмотренных финно-угорских заимствований в Среднем Поволжье и Приуралье иллюстрирует их приспособления к сложившейся системе значений языка-реципиента или трансформы в языке-

доноре. Заимствования, как правило, вызваны либо необходимостью восполнить пробел в словаре, либо возможностью добавить семантический эквивалент. Тем не менее анализ рассмотренных единиц убеждает в том, что этот процесс не всегда целенаправлен, логичен и эффективен: «случайные» заимствования могут отвергаться словарем; другим удается укорениться при семантической адаптации.

Заключение

Безусловно, в восточном диалекте татарского языка присутствует целый лексический пласт финно-угорских заимствований. В научной литературе по сопоставительному языковедению указывается на то, что в среднем и западном диалектах удельный вес финно-угорских заимствований среди иноязычной татарской лексики небольшой. Эта особенность характерна и для восточного диалекта, в котором указанные языковые единицы служат не только для номинации новых предметов и явлений, экономии языковых средств, точности и экспрессивности выражения, но и для выполнения стилистических функций, добавляя в тюркские языки (через них и в русский язык) синонимы, придавая им семантическую вариативность, в некоторых контекстах и экспрессивную окраску.

Рассмотренные в рамках статьи отдельные лексемы встречаются во всех трех диалектах татарского языка. Не исключается тот факт, что некоторые лексические единицы попали в восточный диалект через носителей среднего и западного диалектов, участие которых в формировании отдельных групп сибирских татар общеизвестно. В перспективе более детализированное и углубленное рассмотрение данного вопроса с опорой на широкий лексикографический материал даст возможность определить специфику формирования лексики восточного диалекта татарского языка.

Авторы приходят к выводу о том, что присутствие финно-угорских единиц в татарском языке определяется как лингвистическими параметрами, направленными на раскрытие механизмов адаптации, так и этносоциальными, дающими возможность показать глубину культурно-исторических контактов носителей языков. Этносоциолингвистический механизм вхождения единиц из финно-угорского языка-источника в татарский язык-реципиент идентичен в своей основе особенностям процесса заимствования в других языках, и такие единицы можно исследовать с точки зрения приведшей к ним интерференции в аспекте фонологической, грамматической и семантической адаптации в принимающей лексеме языке.

Традиционному пониманию заимствования как проникновения элементов одного языка в другой авторы предлагают объяснение ему как создания собственными средствами языка своих элементов посредством творческой имитации, приблизительного копирования или структурного моделирования.

Этносоциолингвистическая адаптация элементов из финно-угорского языка-источника в татарском языке-реципиенте являет собой процесс переноса языковой единицы, которая приживается на всех языковых уровнях. Результаты языкового воздействия можно представить условной шкалой – от полной интеграции до частичного и / или полного несовпадения языковых элементов.

Общие используемые условные сокращения: букв. – буквально, диал. – диалектный, досл. – дословно, ист. – исторический, лит. – литературный.

Названия диалектов, говоров и подговоров татарского языка, используемых в статье: крш. – кряшенские говоры (тат.), сиб. тат. – восточный диалект (тат.), средн. диал. – средний диалект (тат.);

говоры восточного диалекта: тобол.-ирт. – тоболо-иртышский диалект, заболт. – заболотный говор, тар. – тарский говор, теврз. – тевризский говор, тобол. – тобольский говор, тюмен. – тюменский говор, том. – томский диалект, калм. – калмакский говор, орс. – орский говор, эушт. – эуштинский говор;

названия других языков, диалектов и их говоров: аз. – азербайджанский язык, ай. – айский говор (башк.), алт. – алтайский (ойротский) язык, араб. – арабский язык, башк. – башкирский язык, булг. – болгарский язык, бур. – бурятский, в.-тюрк. – восточно-тюркские языки (диалекты), венг. – венгерский, дем. – демский говор (башк.), каз. – казахский, калм. – калмыцкий, караим. – караимский, кбалк. – карачаево-балкарский, кирг. – киргизский, ккалп. – каракалпакский, коми. – коми язык, коми.-перм. – коми-пермяцкий язык, ктат. – крымско-татарский, кумык. – кумыкский, кызыл. – кызылский говор (башк.), мар. – марийский, мар.г. – горное наречие марийского языка, мар.л. – луговое наречие марийского языка, монг. – монгольский, морд. – мордовские (эрзя и мокша) языки, морд. м. – мокшанский язык (мокша), морд. э. – эрзянский язык (эрзя), ног. – ногайский язык, орнб. – говоры Оренбургской обл. (русс.), перм. – пермский говор (русс.), русск. – русский, ср.-монг. – средн. – средний говор (башк.), тат. – татарский, телеут. – телеутский, тоб. – тобольский, тув. – тувинский, тур. – турецкий, туркм. – туркменский, тюрк. – тюркский, удм. – удмуртский, узб. – узбекский, уйг. – уйгурский, хак. – хакасский, хант. – хантыйский, чув. – чувашский, эвенк. – эвенкийский, якут. – якутский.

Финансирование

Часть статьи (50%) подготовлена в рамках научно-исследовательской работы по государственному заданию ИЭИ УФИЦ РАН: «Историко-культурное наследие Южного Урала и Приуралья: изучение, сохранение и музеефикация», № 122031400062-7.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Funding

Part of the article (50%) was prepared as part of a research work on the state assignment of the IEI UFIC RAS: "Historical and cultural heritage of the Southern Urals and the Urals: study, conservation and museification", No. 122031400062-7.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири / А.Е. Аникин. — Новосибирск: Наука, 2003. — 788 с.
2. Бухарова Г.Х. Финно-угорский субстрат в башкирской топонимии / Г.Х. Бухарова // Российский гуманитарный журнал. — 2017. — Т. 6. — № 5. — С. 444–452.
3. Бяतिकова О.Н. Лексика рыболовства в татарском литературном языке / О.Н. Бяतिकова. — Казань: ИЯЛИ, 2005. — 160 с.
4. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка / В.Г. Егоров. — Чебоксары: Чувашгосиздат, 1964. — 355 с.
5. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л.П. Крысин. — М.: Наука, 1968. — 208 с.
6. Насипов И.С. Языковые контакты в Волго-Камье. Удмуртские заимствования в татарском языке / И.С. Насипов. — Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2013. — 258 с.
7. Салихова Э.А. Этноспецифичная идентификация отдельных лексем зрительного (цветового) восприятия / Э.А. Салихова // Теория языка и межкультурная коммуникация. — Курск: Курский госуниверситет. 2019. — № 4 (35). — С. 207-216.
8. Салихова Э.А. Бреговский влашский диалект как явление самобытной языковой ситуации в Северозападной Болгарии / Э.А. Салихова, Н.Г. Искужина, Л.А. Киселева // Международный научно-исследовательский журнал. — Екатеринбург. — 2016. — № 12-2-(54). — Ч. II. — С. 79-80.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. — М.: Прогресс, 1986. — Т. I. — 573 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. — М.: Прогресс, 1986. — Т. III. — 831 с.
11. Федотов М.Р. Чувашский язык: Истоки. Отношение к алтайским и финно-угорским языкам. Историческая грамматика / М.Р. Федотов. — Чебоксары: ЧГУ, 1996. — 460 с.
12. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: В 2-х т. / М.Р. Федотов. — Чебоксары: ЧГИГН, 1996. — Т. I. — 470 с.
13. Хайрутдинова Т.Х. Бытовая лексика татарского языка (посуда, утварь, предметы домашнего обихода) / Т.Х. Хайрутдинова. — Казань: ИЯЛИ, 2000. — 128 с.
14. Хайрутдинова Т.Х. Народные названия растений в татарском языке / Т.Х. Хайрутдинова. — Казань: Фикер, 2004. — 224 с.
15. Хауген Э. Процесс заимствования / Э. Хауген // Новое в лингвистике. — М.: Прогресс, 1972. — Вып. 6. — С. 344–382.
16. Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка / Р.Г. Ахметьянов. — Казань: ТКН, 2001. — 272 с.
17. Kurtes S. Contrastive analysis at work: theoretical considerations and their practical application / S. Kurtes // Signum: Estud. Ling. — Londrina, 2006. — № 9/11. — P. 111–140.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. — М.: Прогресс, 1986. — V. IV. — 831 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Anikin A.E. Etimologicheskij slovar' russkih zaimstvovanij v yazykah Sibiri [Etymological dictionary of Russian borrowings in the languages of Siberia] / A.E. Anikin. — Novosibirsk: Nauka, 2003. — 788 p. [in Russian]
2. Bukharova G.Kh. Finno-ugorskij substrat v bashkirskoj toponimii [Finno-Ugric substrate in Bashkir toponymy] / G.H. Buharova // Rossijskij gumanitarnyj zhurnal [Russian Humanitarian Journal. — 2017. — Vol. 6. — No. 5. — P. 444-452. [in Russian]
3. Byatikova O.N. Leksika rybolovstva v tatarskom literaturnom yazyke [Vocabulary of fishing in the Tatar literary language] / O.N. Byatikova. — Kazan: IYALI, 2005. — 160 p. [in Russian]
4. Egorov V.G. Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka [Etymological dictionary of the Chuvash language] / V.G. Egorov. — Cheboksary: Chuvashgosizdat, 1964. — 355 p. [in Russian]
5. Krysin L.P. Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke [Foreign words in modern Russian] / L.P. Krysin. — M.: Nauka, 1968. — 208 p. [in Russian]

6. Nasipov I.S. YAzykovye kontakty v Volgo-Kam'e. Udmurtskie zaimstvovaniya v tatarskom yazyke [Language contacts in the Volga-Kama region. Udmurt borrowings in the Tatar language] / I.S. Nasipov. — Ufa: BSPU named after M. Akmulla, 2013. — 258 p. [in Russian]
7. Salikhova E.A. Etnospecifichnaya identifikaciya otdel'nyh leksem zritel'nogo (cvetovogo) vospriyatiya [Ethnic-specific identification of individual lexemes of visual (color) perception] / E.A. Salihova // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya. — Kursk: Kurskij gosuniversitet [Theory of language and intercultural communication. Kursk: Kursk State University]. 2019. — No. 4 (35). — p. 207-216. [in Russian]
8. Salikhova E.A. Bregovskij vlashskij dialekt kak yavlenie samobytnoj yazykovoj situacii v Severozapadnoj Bolgarii [Bregov Vlash dialect as a phenomenon of the original language situation in Northwestern Bulgaria] / E.A. Salihova, N.G. Iskuzhina, L.A. Kiseleva // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Research Journal]. — Yekaterinburg. v 2016. — No. 12-2-(54). — Part II. — P. 79-80. [in Russian]
9. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language] / M. Fasmer. — M.: Progress, 1986. — Vol. I. — 573 p. [in Russian]
10. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language] / M. Fasmer. — M.: Progress, 1986. — Vol. III. — 831 p. [in Russian]
11. Fedotov M.R. CHuvashskij yazyk: Istoki. Otnoshenie k altajskim i finno-ugorskim yazykam. Istoricheskaya grammatika [Chuvash language: Origins. Attitude to the Altai and Finno-Ugric languages. Historical grammar] / M.R. Fedotov. — Cheboksary: ChSU, 1996. — 460 p. [in Russian]
12. Fedotov M.R. Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka: V 2-h t. [Etymological dictionary of the Chuvash language: In 2 volumes] / M.R. Fedotov. — Cheboksary: ChGIGN, 1996. — Vol. I. — 470 p. [in Russian]
13. Khairutdinova T.Kh. Bytovaya leksika tatarskogo yazyka (posuda, utvar', predmety domashnego obihoda) [Everyday vocabulary of the Tatar language (dishes, utensils, household items)] / T.H. Hajrutdinova. — Kazan: IYALI, 2000. — 128 p. [in Russian]
14. Khairutdinova T.Kh. Narodnye nazvaniya rastenij v tatarskom yazyke [Folk names of plants in the Tatar language] / T.Kh. Hajrutdinova. — Kazan: Fiker, 2004. — 224 p. [in Russian]
15. Haugen E. Process zaimstvovaniya [The process of borrowing] / E. Haugen // Novoe v lingvistike [New in linguistics]. — M.: Progress, 1972. — Issue. 6. — p. 344–382. [in Russian]
16. Akhmetyanov R.G. Tatar teleneñ kyskacha tarihi-etimologik syzlege [Short historical and etymological dictionary of the Tatar language] / R.G. Akhmetyanov. — Kazan: TKN, 2001. — 272 p. [in Russian]
17. Kurtes S. Contrastive analysis at work: theoretical considerations and their practical application / S. Kurtes // Signum: Estud. Ling. — Londrina, 2006. — № 9/11. — P. 111–140.
18. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language] / M. Fasmer. — M.: Progress, 1986. — Vol. IV. — 831 p. [in Russian]